

18+

ГОЛОДНЫЙ МАРШ

Андрей
Ветер

Андрей Ветер

Голодный марш

<https://litres.ru/74291259>

ISBN 9785007058353

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Голодный марш» представляет собой художественно-документальное повествование о трагическом переломе в истории индейских войн на американском Западе — кампании 1876 года, последовавшей за разгромом генерала Кастера при Литтл-Биг-Хорн. Издание объединяет три самостоятельных, но тематически связанных произведения: два психологических рассказа и подробный исторический очерк, которые вместе создают объёмную и эмоционально насыщенную картину противостояния двух миров.

Содержание

Старик	5
Потолок	5
1824 год	11
1835 год	12
1843 год	13
Шёпот в темноте	14
1857 год	15
Слепота	16
Последний шаг	18
Старик и старуха	19
Повесть о рядовом Джоне Ферзмани	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Голодный марш

Андрей Ветер

Иллюстратор Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2026

© Андрей Ветер, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-5835-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старик рассказ

Потолок

Старик неподвижно лежал на кровати и неотрывно смотрел в потолок, выискивая там что-то. Старик был накрыт одеялом с множеством разноцветных заплаток. Он смотрел вверх и видел то, что видят остальные люди: пыльные доски, затянутые тонкой многолетней паутиной. Но иногда он видел другое. Он видел призраков.

Сначала они приходили по ночам, затем стали являться днём, не стесняясь солнечных лучей. Они были то неясными, почти без очертаний, то вдруг становились отчётливыми, узнаваемыми. И однажды какая-то из теней сказала: «Джим, старый дьявол, ты что, напрочь утратил рассудок? Эй, Бриджер, встряхнись, вернись на Тропу».

И старик внезапно понял, что жизнь его пошла вспять, она каким-то неведомым образом возвращала его в прошлое.

Вот доски над ним разошлись, и вместо чердака над ним открылось небо, то самое небо, которое видел над Южным Перевалом, такое тёмное и близкое, что звёзды, кажется, можно рукой достать. И тишина... А потом из углов, как дым

от утреннего костра, начали выползать они... Призраки...

Вон там, у двери, стоит старый Хью Гласс. Смотрит на меня, думал старик, он ухмыляется во всю свою изодранную морду. У него весь бок был вырван когтями медведя-гризли, когда они двадцать третьем поднимались к Йеллоустоуну. Джим с Фицжеральдом должны были ждать, пока он умрёт. Они много спорили, не пристрелить ли Гласса, чтобы не мучился... Да только Фиц забрал его ружьё, и они ушли. Джим пацаном, чёрт возьми, ему было страшно. А Хью потом прополз на брюхе четыре сотни миль. Четыре сотни! С голыми рёбрами. И нашел их стоянку. Нашёл! Схватил Джима за горло... И отпустил. Сказал, что Джим слишком молод и, пожалуй, не должен гнить в сырой земле из-за озлобленности Гласа. Такое забыть невозможно.

И вот Хью Глас пришёл к нему, когда Джим беспомощный. Гласс молчит сейчас, только смотрит.

Следом за Гласом появляется на своём белом коне Джон Фицпатрик Сломанная Рука. Лучший из трапперов тех времён. Он ведёт ораву в шестьсот человек по верховьям Миссури. Вокруг Черноногие — как волки, только их глаза в кустах горят. А трапперы идут, идут, ставят капканы, бьют бобра.

Вскоре Джим Бриджер знал каждую чёртову трещину в тех скалах. Карту носил в голове, пока Господь Бог не решил, что Джим слишком много видел, и не задёрнул шторы.

— Слышишь, Хью? — шепчет Джим в потолок. — Ты

злился, что я бросил тебя полумёртвым. А сейчас мне страшнее. Не потому, что смерть рядом. А потому, что мне кажется, что я уже там. Я слышу плеск воды в Биг Хорне. Я чую запах мокрого бизона и пороха. Этот дом пахнет плесенью, а я хочу запах дыма и прерии. Призраки на потолке не отступают. Они наступают. Скоро они сомкнутся вокруг меня, и я больше не увижу эту дурацкую побеленную штукатурку. Я увижу Скалистые Горы от края до края. Вот тогда я снова стану собой. Пошевелитесь там, черти. Подайте мне мою винтовку. Я иду в последний патруль.

Он лежит под шерстяным одеялом — тяжёлым, пахнущим пылью и чем-то кислым, чем пахнут все вещи в домах, где давно не было женщин. Шерсть колется. Он уже не помнит, когда последний раз чувствовал тепло по-настоящему. Кажется, это было там. В том мире. Куда он уже никогда не вернется.

Джим Бриджер смотрит в потолок.

Взгляд мутный, серый. Раньше эти глаза различали след бизона среди тысяч других на твердой как камень равнине. Они замечали дым индейского лагеря за пятьдесят миль, когда молодые офицеры с их дурацкими подзорными трубами видели только марево. Глаза, которые никогда не ошибались. Которые знали каждую складку земли от Великих Равнин до Тихого океана.

Теперь они не различают даже трещины в побелке.

И не нужно... Потому что трещины шевелятся.

Они ползут, как змеи. Собираются в узоры, в лица, в очертания гор. Он знает — это кажется бредом. Дочь, Вирджиния, говорит, что ему померещилось. Хорошая девка. Сильная. Сама выкормила его, когда ослеп и не мог уже ничего. Вон она там, в кухне, гремит посудой. Придёт, напоит чаем. Потом уведёт спать, как ребёнка.

Но она не видит того, что видит он...

Потолок исчезает.

— Ты здесь, Джим? — голос доносится откуда-то слева, это человек, но человек без тела.

Джим узнаёт его голос. Голос человека, который тащился на брюхе четыре сотни миль с разодранной спиной, питаюсь ягодами и падалью. Голос человека, которого он бросил.

— Я здесь, Гласс, — шепчет старик. — Я всегда был здесь.

Хью Гласс выходит из тени. Лицо пересечено старыми шрамами, от уха до подбородка белесый рубец. Одет в заскорузлую замшу. За поясом — томагавк.

— Ты оставил меня, — говорит призрак без злобы. Просто констатирует факт. — Ты взял мою винтовку?

— Я был мальчишкой, — шёпот тоньше, чем ему хотелось бы. — Мне было семнадцать... Я боялся всего вокруг... В тот раз я впервые увидел такую жестокость, такие раны... Кровавый мешок, а не тело... Мы думали, ты не выживешь, поэтому ушли... Ты не мог выжить...

— Я выжил.

— Знаю.

Хью подходит ближе. Садится на край кровати. Перед ним живой — такой же настоящий и осязаемый, как доски этого дома. Старый Бриджер чувствует тяжесть его тела. Или это одеяло сползло, такое тяжёлое одеяло...

— Ты хорошо воевал, Джим, — говорит Гласс. — Позже. Я слышал про тебя. Ты стал самым известным среди нас, среди трапперов.

— Стал. А теперь вот...

— Теперь ты как я тогда. Лежишь и ждёшь, когда придёт смерть.

— Я не жду.

— Врёшь. Вот я в тот раз не ждал смерти, хотя на мне живого места не было. Я не ждал, я боролся за жизнь, я сопротивлялся, дрался. Дикий зверь не дерётся с такой яростью, какой дрался я. в те дни... А ты лежишь, словно уже умер.

Бриджер молчит. Потому что это правда. Он ждет. Но не смерти. Он ждет, когда туман рассеется и он снова увидит.

Рядом с Глассом появляется другой. Высокий. С рыжей бородой, в которой уже много седого. Фицпатрик по прозвищу Сломанная Рука.

— Ты помнишь тот день на реке Паудер? — спрашивает Фицпатрик. — Когда Шайены нас окружили?

— Помню.

— Ты вёл нас через болото, в кромешной темноте. Я думал, мы все утонем.

— Мы не утонули.

— Нет. Ты вывел. Ты всегда выводил.

Фицпатрик протягивает руку. Бриджер чувствует — нет, не чувствует, но знает, что если он сейчас подымет свою дрожащую ладонь, она встретит что-то. Что-то похожее на руку. Но его рука не слушается, немощное тело отказывается подчиняться Джиму. Рука лежит поверх одеяла, сухая, в коричневых пятнах, с распухшими суставами. Рука старика. Не та, что сжимала приклад так, что костяшки белели. Не та, что бросала лассо в ночи и всегда захватывала добычу.

— Ты умираешь, Джим, — говорит кто-то третий.

Томас Фитцпатрик был реален. Он стоял здесь, на потолке, сейчас его лицо расплывается, превращается в пятно.

— Все мы умираем, — отвечает Бриджер тихо.

Он закрывает глаза — и проваливается, но не в сон, а в то, что хуже сна. Он проваливается в вязкую память, которая стала такой же реальной, как этот дом.

1824 год

Он плывет по Медвежьей Реке в своей примитивной лодке из бизоньей шкуры. Сразу за изгибом каньона вода становится горькой и солёной — такой солёной, что язык немеет. Это вода Великого Солёного Озера. Никто из белых здесь не был. Никто не знал, но Джим верил своему чутью.

Он, Джим Бриджер, двадцати лет от роду, почти мальчишка, которого никто ни во что не ставит, оказывается прав в споре. Он выигрывает пари. Он открывает озеро, которое потом нанесут на географические карты. Он сидит в лодке один. Вода под ним бездонная, вокруг — пустота, только чайки кричат так же жалобно, как сейчас скрипит половица в коридоре.

— Вот она, судьба, — бормочет он в темноту. — Я мог тогда повернуть назад, и никто бы не узнал. Но я поплыл дальше. Почему?

Потолок молчит, ни звука не исходит со стороны потолка. Никто не произносит ни слова. Только вопрос беззвучно дрожит в воздухе.

Почему Джим не повернул обратно? Потому что он не мог иначе. Потому что внутри горело — горело, как костёр, который не потушить. Узнать. Увидеть. Пойти туда, где не был никто. Этот огонь испепелил его жизнь. Ослепил глаза. Но пока он горел — Джим жил.

1835 год

Доктор Маркус Уитман стоит над ним со скальпелем в руке. Индейцы вокруг смотрят, раскрыв рты. Из спины торчит наконечник стрелы — проклятые Черноногие. Целых три года Джим носил в себе наконечник стрелы. Три года железо тёрлось о кость, гноилось, болело так, что ночами он не спал, впивался зубами в толстый сыромятный ремень, чтобы не кричать.

— Крепись, капитан, — говорит Уитман.

— Я креплюсь, доктор, — цедит сквозь зубы Бриджер.

Наконечник выходит с чавкающим звуком. Три дюйма кованого железа. Уитман показывает его индейцам. Те удивлённо вскидывают руки, жестикулируют, громко обсуждают извлечённый из спины Джима наконечник стрелы.

— Ты можешь подняться, Джим, — произносил доктор и протирает ладонью выступивший на лбу пот.

Бриджер встаёт. Плечо саднит, по рубашке течёт кровь. Но он стоит. Он всегда стоит. Нельзя иначе, потому что если упадёшь в этих горах — то уже не поднимешься.

1843 год

Чёрная Развилка. Это место, где он решил остаться.

Вот он стоит на берегу ручья, смотрит, как его люди рубят лес для первого дома. Джим тоже работает топором. Топор тяжёлый, но рука помнит. Рядом — Луи Васкес, его партнер, молчаливый француз с вечно хмурым лицом.

— Здесь будет форт, — говорит Бриджер. — Здесь будет дорога.

— Здесь никого нет, — отвечает Васкес.

— Будут. Тысячи. Ты увидишь. Я назову этот укрепление моим именем.

Так возник Форт Бриджер.

Потом придут мормоны. Придут с ружьями и проклятиями. Сожгут его дома. Угонят скот. Он будет прятаться в лесу, слушать, как трещат бревна — его бревна, которые он сам укладывал, подгонял одно к другому. Чужие голоса. Чужая земля.

— Никогда не доверяй святошам, — учил его старый траппер. — У них совести нет, только вера.

Джим не послушал.

Шёпот в темноте

— Отец.

Голос Вирджинии. Реальный. Из настоящего.

— Ты опять говоришь сам с собой.

— Я не с собой, — хрипит он. — Я с ними.

Она садится рядом. Кладёт руку на его лоб — прохладную, пахнущую мылом. Рука дочери. Маленькой девчонки, которую он выкормил бизоньим молоком, когда её мать умерла при родах. Прямо здесь, в форте. Скончалась четвёртого июля восемьсот сорок девятого года. Джим хорошо помнит эту дату.

— С кем ты разговариваешь, отец? — спрашивает она тихо. Знает, что не поймёт, но спрашивает.

— С друзьями, — говорит он. — Они пришли попрощаться.

Она вздыхает. Думает — бред. Старческий маразм. Скоро конец. И она права. Конец скоро. Но это не бред.

1857 год

Армия Джонстона вмерзает в снег у стен его форта. Мормоны сожгли все припасы. Солдаты едят дохлых мулов. Офицеры, эти напوماженные щёголи из Вест-Пойнта, смотрят на него почти с мольбой, смотрят так, будто он — последняя надежда.

— Проведи нас через перевал, Бриджер, — угрюмо просит Джонстон. — Говорят, ты знаешь короткую дорогу.

Бриджер усмехается. Конечно, он знает нужную тропу. Он проложил её сам, он открыл этот путь, когда вёл Стенсбери в пятьдесят первом. Когда гнал фургоны с мехами в Сент-Луис. Когда тащился пешком, мёрз и голодал, пока эти господа пили бренди у жарких каминов.

— Пятьдесят долларов, генерал. Попрошу золотом. И я покажу вам перевал, которого нет ни на одной карте.

— У нас нет денег. Мы не наскребём столько.

— Тогда дайте мне просто хорошее седло. И чтобы никто не совал нос, когда я веду.

Он ведёт их через перевал Бриджера, свистит ветер, метёт метель. Ветер воет так, что не слышно собственного голоса. Вокруг — ни одного дерева, только снег и камни. Люди падают. Мулы слепнут. Но он идёт, и они идут за ним. Они верят ему, потому что он — легендарный Джим Бриджер. Он не теряет направление. Никогда.

Слепота

Перелом наступает внезапно.

Не в бою, не в горах, где он ждал смерти тысячи раз. А здесь. В этой проклятой дыре — Даллас, Миссури. Он сидит на крыльце, смотрит на запад — туда, где должны быть горы. Но их нет. Только расплывчатое серое пятно. Как будто кто-то закрасил небо белилами.

— Вирджиния, — зовёт он.

— Да, отец?

— Где горы?

— Горы, отец?

— Те горы. Скалистые. Я их всегда отсюда видел. Они там, на горизонте. Синие-синие.

Она молчит. А потом — тихо, чтобы он не слышал — всхлипывает.

В этот момент он понимает всё.

Глаза умерли. Он больше никогда не увидит Скалистых гор.

По ночам под потолком сгущаются тени, проявляются лица. Теперь их много. Вот Саблетт — весёлый, с вечно красным носом, предлагает ему глотнуть виски из фляги. А вот Гаррис, Чёрный Моисей, который видел больше, чем любой скаут. Васкес, старый друг. Джек Робинсон, с которым они вместе возводили форт. И другие. Те, чьи имена никто не

помнит. Трапперы, которых убили Черноногие. И те, кого убил он сам. Они стоят с краю, молчат, смотрят.

— Подвиньтесь, — говорит Гласс. — Дайте человеку пройти.

Они расходятся.

Потолок становится небом. Небом над Южным Перевалом. Тёмным, бездонным, звёздным небом.

Он смотрит в это небо, и в первый раз за много лет улыбается.

— Джим, — зовет его кто-то. — Джим, ты готов?

— Готов, — шепчет он. — Я всегда был готов.

Последний шаг

Дочь не понимает, о чём он бормочет. Она думает — умирающий бред. Но он не бредит, он просто собирается в дорогу, которая, может быть, приведёт его домой, в горы, где он снова пройдёт свой последний перевал.

Старик и старуха

рассказ

Чёрное Перо и Красная Птица были старыми, слишком старыми. Они не могли сказать наверняка, сколько зим осталось за их плечами, но соплеменники говорили, что не менее семидесяти зим. Это было очень много для тех времён.

Так повелось во многих кочевых племенах, что даже в более благополучные годы во время переезда стойбища на новое место стариков нередко покидали, оставляя им пропитание на несколько дней. Все знали, что их оставляли умирать, потому что они становились обузой.

Чёрное Перо и Красная Птица сами предложили семье остаться:

— Солдаты идут по нашим следам, — сказал Чёрное Перо едва слышным осипшим голосом. — Я и моя жена решили остаться. Не тревожьтесь о нас, дети. Нам пора уходить в другой мир. Если Длинные Ножи найдут нас, то мы умрём быстро. Вам будет легче без нас. Пусть Вакан Танка будет добр к вам.

Лохматый Барсук, их сын, долго молчал. Он понимал, что старикам тяжело. После битвы с генералом Кастером, этим Длинноволосым убийцей Шайеннов и Лакотов, племя перемещалось быстро, запутывая следы, чтобы сбить с толку ар-

мию. Длинноволосый вождь с жёлтыми волосами был убит, многие его люди остались на поле брани бездыханными и никогда больше не последуют за Лакотами. Но появились другие, которые собрались с силами, дождались помощи и теперь преследовали всех индейцев, участвовавших в битве на Маленьком Большом Роге.

Старики понимали, что они ничем не могли помочь племени, не могли сражаться, не могли заниматься хозяйством... Стариков было принято оставлять, если не было возможности ухаживать за ними. Теперь племя уходило от преследования, кто-то из старшего поколения попевал, но кто-то задерживал людей. Чёрное Перо и Красная Птица стали лишними. Они не хотели быть обузой.

Чёрное Перо позвал сына и сказал ему, что не пойдёт дальше:

— Уходите. Вам надо жить...

Старики сидели на разложенной шкуре бизона и смотрели подслеповатыми глазами на удаляющееся племя. Старики обнялись, накинув на себя промокшую под недавним дождём шкуру бизона. Они не собирались разводиться костёр, потому что на дым костра вскоре пришли бы разведчики армии — Арикары, Вороны или Поуни.

Они сидели и молчали, прислонившись к одинокому тополю, такому же старому, как и они. Они вспоминали молодость, обменивались короткими фразами.

Чем была их жизнь и во что превратилась? Они успели

познать счастье. Они жили на бескрайних равнинах. Муж участвовал в сражениях, был ранен много раз, приносил скальпы, и она плясала вокруг большого костра с этими скальпами, привязанными к длинными палками. С ней плясали жёны других героев. Она родила пятерых детей, но трое умерли, остались два сына, один из которых погиб в сражении с Длинноволосым генералом. Второй, Лохматый Барсук, жив и будет драться дальше, убивая без жалости белых людей, преследовавших родное племя...

Внезапно старики услышали далёкий конский топот. И тут же начал накрапывать дождь. Этот дождь обещал быть долгим, но пока он бросал на землю лишь отдельные крупные капли.

— Бледнолицые идут, — проговорил Чёрное Перо.

— Да, — согласилась, прислушиваясь, старуха.

Их обнаружили скоро. Первым ехал длинноволосый скаут. Они хорошо знали его. Фрэнк Гроард, прозванный Хватателем. Он много лет жил среди Лакотов, но однажды почему-то удрал к белым и стал их следопытом и толмачом.

Он сидел в седле на хорошей лошади.

— Вас бросили? — спросил он.

— Мы остались, — ответил Чёрное Перо.

— Теперь вы наши пленники, — сказал Гроард.

— Нам всё равно. Наши дни закончились. Мы сидим и ждём смерти.

— Вы наши пленники, и мы забираем вас с собой, — от-

ветил Гроард.

Через несколько дней их вместе с другой небольшой горсткой немощных индейцев привезли к Тонкому Перешейку, где уже шла неторопливая перестрелка. Они сидели в укрытии, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему. Их жизнь была кончена, они это знали, как бы ни завершилось сражение. Вскоре к ним привели старого вождя, который держал обеими руками свои внутренности. Его живот был разорван картечью. Вождь не просил помощи, он просто молчал.

Вокруг пленников сидели несколько солдат и с любопытством разглядывали их, словно видели перед собой существ с иной планеты. Шёл дождь. Было холодно. Индейская война подходила к концу...

— Вакан Танка не так добр к нам, как мы думали, — проговорил Чёрное Перо, и жена молча кивнула.

Вождь с вывалившимися кишками поднял на него мутные глаза:

— Сейчас я покину вас, во мне не осталось сил, жизнь ушла. Я дрался, сколько мог. Вы останетесь здесь и отправитесь туда, куда вас повезут бледнолицые. Мне жаль. Вакан Танка отвернулся от нас. Или он заранее придумал, как закончить жизнь Лакотов? Он позволил белым людям отнимать нашу жизнь, откусывать её по кусочкам. И вот мы здесь... Там много убитых детей... Они уже никогда не вырастут, не узнают, кем мы были, как мы жили, сколько по-

двигов совершили... Я ухожу...

— Прощай, брат, — прошептал непослушными губами Чёрное Перо и посмотрел на жену. — Ты слышала? Бледнолицые не позволят нам спокойно покинуть этот мир. Они увезут нас с другими пленниками. Они заставят нас жить дальше.

Старуха печально покачала головой. Слабыми руками она вынула нож, спрятанный под одеждой.

— У меня не хватит сил, — сказала она с сожалением.

— Я попытаюсь, — ответил старик.

Он принял нож из худой морщинистой руки, скользкой от грязи и дождя, и приставил его к горлу жены. Она кивнула, подбадривая его. Он надавил на самое уязвимое место. Из раны вяло потекла старческая кровь. Его ослабшая рукаронила нож. Он обнял жену. Она вздохнула с облегчением:

— Скоро мы опять встретимся...

— Да.

Чёрное Перо глубоко вздохнул и поднял нож. Холодные пальцы с трудом сжали рукоять. Старик понял, что не сможет нанести удар с достаточной силой. Некоторое время он сидел под струями дождя и смотрел на умиравшую жену. Она лежала неподвижно, закрыв глаза. Лицо её было спокойно. Старик опять вздохнул и повалился на землю лицом вниз, приставив нож к своему горлу, надеясь, что вес его исхудавшего тела поможет ему справиться с последней важной задачей: не отстать от жены, чтобы через несколько мгнове-

ний увидеть её в стране вечного солнца и вечно зелёной травы...

А вокруг над землёй тянулся сизый пороховой дым, хлестал холодный дождь, и не было видно конца противостоянию между людьми, их взглядами, их привычками.

Повесть о рядовом Джоне Ферзмани рассказ

Джон Ферзман никогда не думал, что война может быть такой. Он представлял её иначе — по картинкам в дешёвых газетах, по рассказам старых ветеранов в тавернах Чикаго. Там были штыковые атаки, развевающиеся флаги, трубы, зовущие вперёд. Там была слава.

Здесь не было ничего.

Здесь была грязь по колено, холодный дождь, не прекращавшийся уже третью неделю, и запах. Запах мокрой шерсти, разлагающейся кожи и собственного страха.

Они шли на север, куда-то на север, но куда именно, солдаты не знали. Сначала был Гусиный ручей, потом бесконечные извилины Языковой Реки. Лошади падали в грязь и не вставали. Поначалу солдаты пытались помогать им, гладили по мордам, шептали что-то утешительное. Потом приказ генерала Крука запретил всякую сентиментальность, и в обессиливших животных начали стрелять на месте.

Джону запомнился первый выстрел. Оглушительный, резкий, после которого эхо долго бродило между голыми холмами. Лошадь — гнедая кобыла с добрыми глазами — рухнула в грязь, дёрнулась пару раз и затихла.

— Мясо, — коротко бросил сержант.

Джон смотрел на тушу и не мог пошевелиться. Его тошнило. Не от запаха — от мысли, что через час он будет жевать эту лошадь, которая ещё утром терлась носом о его плечо.

Он жевал. Все жевали. Голод оказался сильнее брезгливости.

Первый раз он увидел индейца на расстоянии выстрела.

Это было на рассвете, когда туман стелился по долине, и в серой мгле нельзя было разобрать, где кончается земля и начинается небо. Кто-то крикнул: «К оружию!» — и Джон, ещё не проснувшись, схватил карабин. Он ничего не видел. Только тени, мелькающие между деревьями. Только свист — то ли ветра, то ли пуль. Он стрелял наугад, туда, где, как ему казалось, кто-то двигался. Сердце колотилось, его пульсация отдавалась под самым горлом. Пальцы онемели от холода. После того как стрельба утихла, сержант насчитал четырёх убитых индейцев. Джон подошёл посмотреть.

Они лежали на голой земле — двое мужчин, женщина, ребёнок. Ребёнку было, наверное, лет десять. Мальчик. В грязной рубашонке, с заплетённой в косичку чёрной прядью.

Кто-то рядом сплюнул и сказал:

— Проклятые дикари.

— Да, — ответил Джон.

Но в ту ночь он не спал. Всё смотрел в темноту и видел лицо мальчика. И думал: зачем мальчик пошёл на войну?

Или война сама пришла к нему?

Когда кончились галеты, люди начали голодать по-настоящему.

Сначала просто кружилась голова и сосало под ложечкой. Потом начались судороги. Джон видел, как один парень из роты «В» упал прямо на марше — просто сложился пополам и рухнул лицом в грязь. Его не стали поднимать. У него не было сил идти дальше, а у других не было сил его тащить.

Он остался там. Джон так и не узнал, выжил ли он.

Второго октября у них кончилось всё. Даже кофе, который варили из какой-то трухи, даже сахар, который таял в промокших карманах. Оставалась только конина — жёсткая, жилистая, почти без соли.

Джон жарил мясо на прутике, как учили, но огонь никак не разгорался — всё вокруг было мокрым. Он жевал сырую конину и плакал. Не от жалости к себе — от злости на генерала Крука, который завёл их сюда, на генерала Терри, который не прислал подкрепления, на индейцев, которые уходили всё дальше на север, в горы, где их нельзя было достать.

«Зачем им эта земля? — думал он. — Зачем им воевать? Они могли бы сидеть в резервациях, получать еду, одеяла. Зачем умирать ради камней и сухой травы?»

Он не понимал. Но где-то глубоко, там, где рождаются сомнения, он чувствовал, что индейцы знают что-то, чего не знает он. Что-то, ради чего стоит мёрзнуть, голодать и уми-

рать. И это знание делало их сильнее. А его — слабее.

Он боялся их. Не только пуль и стрел — боялся их правоты.

Битва при Слим-Бьюттс стала для Джона адом наяву. Он не помнил, как началась стрельба. Просто в какой-то момент мир взорвался свистом, криками, дымом. Кто-то бежал мимо него с окровавленной рукой. Кто-то лежал на земле, стонал и по-детски звал маму. Джон стрелял. В туман, в тени, в людей, которых не видел. Перезаряжал. Снова стрелял.

Потом был овраг.

Оттуда доносился плач женщин и детей. Индейцы прятали семьи в расщелинах, за камнями, в грязи. И солдаты стреляли туда, потому что боялись и потому что из оврага тоже стреляли.

Джон сжимал карабин и вглядывался в чёрный провал между скал. Оттуда доносились крики на незнакомом языке — гортанные, резкие, полные отчаяния и ярости.

«Убей их, — шептал внутренний голос, — иначе они убьют тебя первыми».

Он поднял карабин, но не успел нажать на спусковой крючок. Кто-то крикнул «Прекратить огонь!». Оказывается, генерал решил начать переговоры.

Время тянулось медленно...

Из оврага вышли женщины. Одна прижимала к себе мёртвого ребёнка. У другой была прострелена рука, она держа-

ла её перед собой, и кровь капала на камни, а лицо её было спокойным. Мёртво-спокойным. Джон смотрел на неё и не мог отвести взгляд. У неё были такие же глаза, как у той женщины из первого боя, у которой убили сына. Такие же, как у матери Джона, когда она смотрела на портрет отца, не вернувшегося с гражданской войны.

Он опустил карабин прикладом в грязь, впился обеими руками в холодный ствол и опёрся на оружие всем телом.

Ночью, когда битва стихла и костры догорали в грязи, Джон сидел у крохотного огня и смотрел на пленных. Их было много — женщин, стариков, детей. Они сидели, прижимаясь друг к другу, и молчали. Никто не плакал, не просил пощады. Страшное молчание.

Рядом с Джоном присел на корочки старый разведчик, который говорил на их языке. Его звали Фрэнк Гроард.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.